

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б72

Simone de Beauvoir
MALENTENDU À MOSCOU

© Malentendu à Moscou, 2013. Published
by arrangement with Agence littéraire Astier-Pécher
All rights reserved

Перевод с французского *Нины Хотинской*
Разработка и оформление серии *Е. Анисиной*

Бовуар, Симона де.

Б72 Недоразумение в Москве : [роман] / Симона де Бовуар ; [пер. с фр. Н. О. Хотинской]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 160 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-699-94613-6

Николь и Андре, немолодая супружеская чета, приезжают в советскую Москву. Здесь у Андре живет подруга Маша (у этой героини есть прототип — переводчица Лена Зонина, подруга Сартра). Глядя на Машу, выросшую в СССР, стране, где женщины добились равноправия, Николь вспоминает собственную молодость. Визит в Москву — повод перебрать по эпизодам их супружескую жизнь с Андре, многое переоценить. Но — увы! — время вспять не повернешь, и Николь понимает, что с возрастом так и не преодолела страх перед жизнью, которой боится едва ли не больше смерти, и не стала по-настоящему счастлива.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Хотинская Нина, перевод
на русский язык, 2015

© Оформление.

000 «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94613-6

* * *

Она подняла глаза от книги. Какая скука эта вечная песня о некоммуникабельности! Если хочешь общаться, худо-бедно общаешься. Ладно, не со всеми, но с двоими-троими уж точно. На соседнем сиденье Андре читал «Черную серию»¹. Она скрывала от него настроения, сожаления, мелкие заботы; наверно, были и у него свои маленькие тайны, но, в общем, они знали друг о друге все. Она покосилась в иллюминатор: насколько хватает глаз, темные леса и светлые луга. Сколько раз они вместе рассекали пространство на поезде, на самолете, на корабле, сидя рядом с книгами в руках? Еще не раз они будут вот так же

¹ Популярная во Франции серия детективных романов. — *Прим. перев.*

молча скользить бок о бок по морю, по земле и по воздуху. В этих минутах присутствовали сладость воспоминания и радость обещания. Тридцать им или шестьдесят? Волосы Андре рано поседели; прежде это выглядело кокетливо: снег, припорошивший темную шевелюру, подчеркивал матовую свежесть лица. Это и сейчас было кокетством. Лицо окаменело и растрескалось от морщин, как старая кожа, но улыбка и глаза сохранили свой свет. Как ни изобличал его альбом с фотографиями, сквозь молодой образ все равно просвечивало сегодняшнее лицо: для Николь у него не было возраста. Наверно, потому, что он о своем возрасте как будто и не вспоминал. Он, так любивший в свое время бегать, плавать, лазать и смотреться в зеркала, нес свои шестьдесят четыре года беззаботно. Долгая жизнь, смех и слезы, гнев, объятия, признания, молчания, порывы... Порой казалось, что время остановилось. А будущее простиралось до бесконечности.

— Спасибо.

Николь выудила конфету из корзинки, робея перед внушительной фигурой стюардессы и ее суровым взглядом, как робела три года назад перед официантками в ресторанах и горничными в гостинице. Никакой дежурной любезности, обостренное сознание своих прав, достойная позиция — но перед ними чувствуешь себя виноватой или, по крайней мере, какой-то подозрительной.

— Мы подлетаем, — сказала она.

С некоторой опаской смотрела Николь на приближающуюся землю. Бесконечное будущее — которое могло разбиться с минуты на минуту. Ей были хорошо знакомы эти перепады — от блаженного чувства безопасности к пронзающему страху: начнется третья мировая война, Андре заболит раком легких: две пачки сигарет в день — это много, слишком много, или самолет разобьется о землю. Это был бы хороший конец: вместе и без мучений; но пусть это случится не

так скоро, не сейчас. «Еще раз спасены», — сказала она себе, когда шасси ударилось — немного резко — о посадочную полосу. Пассажиры надевали пальто, собирали вещи. Топтались на месте в ожидании. Топтаться пришлось долго.

— Чувствуешь, как пахнут березы? — сказал Андре.

Было свежо, почти холодно: шестнадцать градусов, сообщила стюардесса. В трех с половиной часах полета Париж был близко, но все же далеко — Париж, пахнувший сегодняшним утром асфальтом и грозой, придавленный первой жарой этого лета... Как близко был Филипп, как далеко... Автобус привез их — через летное поле, которое оказалось гораздо просторнее того, на котором они приземлились в бЗ-м, — к стеклянному зданию в форме гриба, где проверяли паспорта. На выходе их ждала Маша. Николь снова удивилась ее лицу — гармонично слитым воедино таким несхожим чертам Клер

и Андре. Тоненькая, элегантная, только прическа, перманент, выдавала в ней москвичку.

— Как долетели? Как себя чувствуете? Как ты себя чувствуешь?

Она обращалась на «ты» к отцу, но на «вы» к Николь. Это было нормально и все же как-то странно.

— Дайте мне эту сумку.

Это тоже было нормально. Но мужчина несет ваши сумки, потому что вы женщина, женщина же — потому что она моложе вас. И от этого вы сразу чувствуете себя старой.

— Дайте мне багажные квитанции и присядьте вон там, — властно продолжала Маша.

Николь повиновалась. Старая. Рядом с Андре она часто об этом забывала, но тысячи мелких царапин вновь и вновь напоминали ей о возрасте. «Красивая молодая женщина», — подумала она, глядя на Машу. Ей вспомнилось, как она улыбнулась в свои тридцать, когда ее свекор произнес эти сло-

ва в адрес сорокалетней особы. Теперь ей тоже большинство людей казались молодыми. Старая. Смириться с этим ей было трудно (одна из редких вещей, которыми она не делилась с Андре: это скорбное ошеломление). «Есть все же и преимущества», — сказала она себе. На пенсии — звучит почти как на свалке. Однако приятно устроить себе каникулы, когда хочется; точнее сказать, быть постоянно на каникулах. В раскаленных классах школы ее коллеги только начинали мечтать об отпуске. А она уже уехала. Она искала глазами Андре, стоявшего в толпе рядом с Машей. В Париже его окружало слишком много людей. Испанские политзаключенные, португальские узники, преследуемые израильтяне, мятежные конголезцы, ангольцы, камерунцы, партизаны из Венесуэлы, Перу, Колумбии — всех не упомянуть, — он всегда был готов прийти им на помощь по мере сил. Собrania, манифесты, митинги, листовки, делегации —

он брался за любое дело. Он принадлежал к множеству всевозможных объединений, комитетов. А здесь никто не будет на него претендовать. Они знали только Машу. Им нечего больше делать, кроме как смотреть на разные интересные вещи вместе: она любила открывать новое с ним, чтобы само время, застывшее в долгом однообразии их счастья, вновь обретало искрометную новизну. Она встала. Ей уже хотелось выйти на улицу, пройти под стенами Кремля. Она забыла, как долго в этой стране приходится ждать.

— Ну где же он, наш багаж?

— Придет, никуда не денется, — сказал Андре.

Три с половиной часа, думал он. Как близко Москва и в то же время как далеко! В трех с половиной часах лета видеть Машу так редко? (Но столько препятствий, и, прежде всего, стоимость билетов!)

— Три года — это долго, — произнес он. — Ты, должно быть, находишь, что я постарел.

— Ничего подобного. Ты совсем не изменился.

— А ты еще больше похорошела.

Он смотрел на дочь с восхищением. Вот так думаешь, что ничего больше не может с тобой случиться, смиришься с этим (что было нелегко, хотя он ничем этого не выдал), и вдруг огромная, совсем новая нежность озаряет твою жизнь. Его мало интересовала робкая девочка — тогда ее звали Марией, — которую Клер привозила к нему на несколько часов из Японии, Бразилии, Москвы. Она осталась ему чужой и когда, уже молодой женщиной, приехала после войны в Париж, чтобы познакомить его со своим мужем. Но во второй приезд Маши, в 60-м, между ними что-то произошло. Он толком не понимал, почему она так крепко привязалась к нему, но его это всколыхнуло. Любовь Николь оставалась

живой, чуткой, благодатной; но они слишком привыкли друг к другу, чтобы Андре мог вызвать в ней эту отчаянную радость, преобразившую сейчас жестковатое лицо Маши.

— Ну где же он, наш багаж? — спросила Николь.

— Придет, никуда не денется.

К чему нервничать? Здесь время им было отмерено с лихвой. В Париже Андре постоянно сверялся с часами, он разрывался между встречами, особенно с тех пор, как вышел на пенсию: он переоценил масштаб своего досуга. Из любопытства, по беспечности взял на себя тьму обязательств, от которых теперь никак не мог отделаться. На целый месяц он будет от них свободен; он сможет жить в беззаботности, которую так любил, — слишком любил, ибо от нее-то и рождалось большинство его забот.

— Вот и наши чемоданы, — сказал он.

Они погрузили их в машину Маши, и она села за руль. Ехала она медленно, как и все

здесь. Дорога пахла свежей зеленью, флотилии стволов плыли по Москве-реке, и Андре чувствовал, как поднимается в нем это волнение, без которого жизнь для него казалась пресной: начиналось приключение, возбуждавшее его и пугавшее одновременно, приключение открытия. Карьера его никогда не заботила, и, если бы мать не билась так властно за то, чтобы он продолжал учебу, его вполне устроил бы удел родителей: они учительствовали под солнцем Прованса. Ему казалось, что истина его жизни и его самого ему не принадлежит: она была неприметно рассыпана по всей земле; чтобы познать ее, надо было вопрошать разные века и разные края; вот потому-то он любил историю и путешествия. Но прошлое через призму книг он изучал безмятежно, в то время как приближение незнакомой страны — превосходящей своим изобилием жизни все, что он мог знать о ней, — всегда кружило ему голову. И эта страна затрагивала его боль-

ше любой другой. Он был воспитан в культе Ленина; его мать в восемьдесят три года еще была активисткой в рядах компартии; сам он в нее не вступил; но, на волнах надежд и уныния, всегда думал, что СССР владеет ключами от будущего, а стало быть, от этой эпохи и его собственной судьбы. Однако же никогда, даже в черные годы сталинизма, он не чувствовал, что так плохо эту страну понимает. Откроет ли ему глаза нынешняя поездка? В 63-м они путешествовали как туристы — Крым, Сочи, — поверхностно. На этот раз он будет расспрашивать, попросит читать ему газеты, смешается с толпами. Машина выехала на улицу Горького. Люди, магазины. Сумеет ли он почувствовать себя здесь как дома? Мысль, что это ему не удастся, повергала его в панику. «Надо было серьезнее заняться русским!» — сказал он себе. Вот и это тоже он обещал себе сделать, но не сделал: не продвинулся дальше шестого урока методики «Ассимиль». Николь была права,